

© Ю. В. ЛЕБЕДЕВ

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. Н. СКАТОВА

Николай Николаевич Скатов родился 2 мая 1931 года. В Костроме прошли его детские и юношеские годы. По окончании средней школы № 30 он поступил на филологический факультет Костромского государственного педагогического института. Здесь под влиянием своего учителя профессора Д. Е. Тамарченко он начал свои первые шаги в науке. С отличием окончив институт, он поступил в аспирантуру при кафедре литературы Московского государственного педагогического института, где под руководством профессора А. И. Ревякина подготовил и защитил кандидатскую диссертацию, посвященную литературно-критическим и эстетическим взглядам В. Г. Белинского. Вернувшись в Кострому, Н. Н. Скатов проработал в Костромском педагогическом институте до 1962 года. Прочитанные им общие курсы истории русской литературы XIX века и спецкурсы о творчестве В. Г. Белинского пользовались большим успехом не только у студентов, но и у многих костромичей — любителей русской литературы.

В 1962 году Н. Н. Скатов испытал незаслуженные гонения, организованные в институте его недоброжелателями, с недоверием и завистью относившимися к талантливому ученому и блестящему преподавателю — кумиру костромских студентов-филологов. Получив приглашение от заведующего кафедрой Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена А. И. Груздева, Н. Н. Скатов переехал в Ленинград. Здесь он защитил докторскую диссертацию, посвященную исследованию творчества Н. А. Некрасова и поэтов его школы. Вскоре он стал заведующим кафедрой русской литературы этого института, а затем директором крупнейшего в нашей стране академического Института русской литературы (Пушкинского Дома) и главным редактором (с 1988-го по 2009 год) журнала «Русская литература».

В 2001 году Санкт-Петербургское отделение издательства «Наука» выпустило в свет четырехтомное Собрание сочинений члена-корреспондента РАН Николая Николаевича Скатова. В издание вошли основные труды ученого, имя которого хорошо известно вузовским педагогам, учителям словесности, а также широкому кругу любителей русской классической литературы. Первый том включает в себя монографию «Пушкин. Русский гений», расширенную редакцию книги «Русский гений» (М., 1987), второй — книгу «Кольцов», дважды опубликованную в серии «Жизнь замечательных людей» (1983, 1989), третий — книгу «Некрасов», впервые изданную в 1994 году в той же серии, четвертый — избранные литературоведческие статьи из трех книг Н. Н. Скатова «Некрасов. Современники и продолжатели» (Л., 1973), «Далекое и близкое» (М., 1981), «Литературные очерки» (М., 1985), а также публицистические очерки из периодической печати последних лет, часть из которых вошла затем в последнюю книгу ученого — «О культуре» (СПб., 2010).

«Наше время отмечено феноменальным интересом к русской классике, — утверждает Н. Н. Скатов. — Сейчас больше, чем когда-либо, совершается по сути в масштабах целого общества не только прочитывание ее еще и еще раз, но *перечитывание*, продиктованное желанием увидеть многое заново, найти и там ответы на насущные вопросы духовной жизни». В этих словах ученого раскрывается его исследовательская методология, верная лучшим традициям отечественной академической науки и наследию русской религиозно-философской мысли начала XX века. Задолго до эпохи гласности, еще на заре 1960-х годов, обращаясь к исследованию поэзии Некрасова (Поэты некрасовской школы. Л., 1968), Н. Н. Скатов, используя все достижения советского некрасоведения, успешно преодолевал односторонне-социологическое прочтение поэта, опираясь на труды о нем русских философов и литераторов Серебряного века — С. Андреевского и В. Брюсова, К. Бальмонта и А. Блока, В. Розанова и Д. Мережковского, Н. Бердяева и С. Булгакова. Восстанавливалась оборванная революцией, ушедшая в эмиграцию литературно-критическая традиция, идущая от органической критики А. Григорьева к философской критике начала XX века. Именно Н. Н. Скатов преодолел тогда инерцию хрестоматийного подхода к изучению Некрасова, в творчестве которого видели иллюстрацию основных положений революционно-демократической публицистики. В трудах ученого Некрасов предстал как великий национальный поэт, в творчестве которого открывалась неисчерпаемая глубина народной жизни, национальная эпопея в новых формах литературы. А в последней, итоговой монографии, вошедшей в третий том, открытия Н. Н. Скатова обогатились глубоким и целостным пониманием незаурядной личности Некрасова — журналиста и редактора, организатора литературных сил, первооткрывателя художественных дарований, предприимчивого издателя, широкой русской натуры в любви, карточной игре, охоте, аристократических и правительственных связях, отношениях с русскими писателями.

Н. Н. Скатов остается исследователем, преданным духовно-нравственным основам русской классической литературы. В его трудах сохраняется высокий гуманитарный смысл литературоведения как науки, имеющей прямое отношение к самим основам национальной жизни, к генетическим корням ее. Это литературоведение, адресованное всем и каждому, доступное и понятное, обладающее живым, образным, художественным языком. Ведь литература XIX века в России была универсальной формой общественного сознания. Именно потому ей отводилась и по определению должна отводиться совершенно особая роль в системе народного просвещения.

Специфика русской литературы диктовала и диктует особые условия и школьному учителю, и литературоведу, желающему адекватно понять ее предмет. Русская филология в лице лучших ее представителей, обращаясь к нашей классике, всегда выступала за рамки собственно литературоведческих задач. Односторонняя специализация в силу национального своеобразия русской классической литературы ей совершенно противопоказана. К сожалению, модные ныне направления историко-литературной науки («мифопоэтика» или рационалистическая «герменевтика») уходят далеко в сторону от задач судить писателя «по законам, им самим над собою признанным» (Пушкин). Потому-то Н. Н. Скатову современные «новации» и не нужны.

Широк и масштабен диапазон чуждых узкой специализации научных интересов Н. Н. Скатова: от декабристов и Пушкина до Исаковского и Твардовского. От «далекого» мысль исследователя устремляется к «близкому»: исследуя то, что сменяется, Н. Н. Скатов обращает внимание на то, что

удерживается неизменным в глубинном существе русской художественной культуры. «Далекое» и «близкое» — это не только исследование хронологически разных явлений литературы, это еще и проникновение в диалектику вечно обновляющейся, *пребывающей* жизни литературной классики, торжествующей над течением времени: наше прошлое оказывается в самом прямом смысле нам близким, а наша современность по неумолимой логике органического роста жизни и литературы напоминает о далеком, в новых исторических условиях заново воскрешая его (см., например, публицистические очерки четвертого тома «За что мы не любим Некрасова», «Русская культура сегодня», «...И слово было Бог»).

Вот эта непрерывающаяся связь времен в истории России и в истории русской классической литературы является душой творческих трудов Н. Н. Скатова. Она-то и превращает хронологически и тематически разные, далеко отстоящие друг от друга явления литературы в единое монографическое исследование. Цельность его основана не только на единстве исследовательского подхода, но и на объективно существующей *целостности* того духовного феномена, который оказывается главным героем литературно-критических очерков и книг. Уловить непреходящее значение тех художественных открытий, которые составляют душу нашей классики и сохраняют свою вечную актуальность, — такова устремленность исследовательской мысли Н. Н. Скатова. Она-то и делает его труды насущно необходимыми современному учителю литературы.

«Успехи разветвленного и, так сказать, дробного изучения» русской литературы диктуют, по мнению исследователя, «необходимость синтезирующего взгляда». И этот взгляд последовательно проведен в его произведениях. Речь идет о прошлом и современности, но при всех хронологических и тематических различиях — об одном: о неповторимом индивидуальном лице национальной литературы, сохраняющем себя во все эпохи и во все времена. Об исторической жизни литературы здесь говорится так, как можно, например, говорить о жизни человека, который при всех своих возрастных изменениях остается все-таки тем же самым индивидуумом. Н. Н. Скатов предлагает нам воспринимать развитие литературы и культуры не в дискретных состояниях, каждое из которых довлеет себе и оторвано от предыдущих (по мертвому, механическому принципу «разрыва традиций»), а в движущемся единстве, в котором любое преходящее во времени явление литературы оказывается органической частицей ее живой полноты, насыщенной прошлым и чреватой будущим.

Н. Н. Скатов тяготеет к эпическому постижению литературных явлений. В процессе микро- или макроанализа держится в уме индивидуальное целое литературы, не дающее исследователю возможности уйти в односторонность, увлечься разложением живого явления на составные части, впасть в преувеличение значимости тех или иных частей самих по себе в ущерб целому. Вся литература здесь понимается как единое художественное произведение, как процесс коллективного творчества, в котором каждый художник, поэт или писатель с максимальной полнотой стремится выразить целое. Все многообразие русских писательских индивидуальностей входит, таким образом, в состав некоего коллективного национального субъекта, творца литературы и языка. Формулу такого субъекта Н. Н. Скатов находит в жизни и творчестве Пушкина, который определяется в книге как «начало всех начал», как «наше все», как «русский человек в его развитии».

Книга о Пушкине (а вслед за нею — о Кольцове и Некрасове) не традиционная биография, не обычное жизнеописание. С точки зрения бытовой

жизнь Пушкина давно уже исследована с подробностью и дотошностью. Н. Н. Скатов обдумывает накопленные факты, создает книгу, синтезирующую *духовный путь* Пушкина, который всею полнотою своей жизни и творчества воплотил энергию «молодой, развивающейся нации» и потому сам стал «первым человеком нации зрелой, развивающейся».

«В Пушкине русский человек явился как идея, как программа и прообраз будущего». Эта мысль ученого, определяющая основную концепцию и восходящая к оценкам Пушкина от Гоголя и Белинского до пушкинской речи Достоевского, не только декларируется в книге, но и подтверждается энциклопедически объемным осмыслением жизненной и писательской судьбы поэта в их взаимосвязанности. Именно Пушкин воплотил в своем творчестве характерные особенности русского искусства начала XIX века как искусства «целого», «больших мер, невероятных обобщений общенациональной значимости». Пушкин в книге Н. Н. Скатова — великий новатор, не разрушающий все предшествующее и традиционное в отечественной и мировой культуре, а разрешающий великую задачу синтеза.

Вслед за Достоевским автор видит в «протеизме» Пушкина гениальную синтезирующую мысль, с которой выразил он именно дух не только своего, но и чужих народов, «всю затаенную глубину» их духа, «всю тоску их призвания». А потому Пушкин стал для России «школой мировой духовной жизни, своеобразной всемирной энциклопедией», завершением «общенационального коллективного усилия». Эта «всечеловечность» Пушкина, абсолютность его, его «нормальность как воплощение высшей человеческой нормы» проявились, по Н. Н. Скатову, и в том, как Пушкин развивался. Жизнь Пушкина — это «человеческий цикл в его законченном виде: детство, отрочество, юность, молодость, зрелость, мудрость», ему собственно и подчиняется композиция книги Н. Н. Скатова вплоть до названия всех ее глав.

Ученый приходит к неожиданному и даже парадоксальному, на первый взгляд, открытию: духовное развитие Пушкина в определенном смысле сохраняет независимость как от влияния внешней жизни, так и от событий исторических. Чуткая реакция поэта на окружающую жизнь столь очевидна и обнажена, что «поселяет желание именно с нею непосредственно связать его становление», представить, «что именно она в своей эмпирике это становление определяет». Однако Н. Н. Скатов убеждает, что Пушкин менее всего ей подчинялся. «Внутреннее развитие человека будущего, идеальной его модели, гения, „пророка“ не поддается внешним влияниям столь ясно, как это случается с обычными литературными дарованиями». Гениальность Пушкина в том, что он в той же мере ведёт этой жизнью, в какой он же и ведет ее, с максимальной полнотою выражая не только явные, но и скрытые ее возможности. А потому и все так называемые кризисы Пушкина не только отражают переломные этапы современной ему исторической жизни общества, но и являются выражением переходных возрастных состояний поэта от детства к отрочеству, от отрочества к юности, от юности к молодости и т. д. «События внешней жизни не столько их определяют, сколько сопровождают их, им, так сказать, аккомпанируют, дают им пищу».

Здесь перед исследователем творчества Пушкина и его биографом возникают две опасности: одна заключается в соблазне отделить высокий дух поэта от жизненного потока, от реальных фактов биографии, отдаваясь стихии воображения и домысла (этого соблазна не избежал, по Н. Н. Скатову, Ю. Н. Тынянов), другая — в жестком прикреплении основных этапов духовной биографии к житейским и историческим событиям. Н. Н. Скатов успешно проводит исследование между Сциллой вымысла, домысла и Харибдой эмпирической фактографии.

Юный Пушкин, по утверждению Н. Н. Скатова, не просто писал о вольности, он ее воплощал. Там, где Рылеев «говорил о свободе», Пушкин выражал ее всем литературным строем своих произведений. Причем дух вольности у него никогда не переходил в своеволие, осенялся Законом не только в либерально-конституционном, а и в предельно высоком, библейском смысле этого слова. Юношеская свобода Пушкина проявилась в способности его жить везде и со всеми, в широте и многообразии его человеческих общений, казавшихся друзьям беспринципностью, вызвавших упреки в «легкомыслии». Проходя через «Арзамас», Пушкин тянулся к «Беседе», но при этом сохранял свободу от той и другой литературной крайности. Пушкин был со всеми и потому же ни с кем в отдельности. Юность гения оказывалась синтезом юности русской национальной жизни во всех ее проявлениях, «он был единственным человеком в тогдашней России, кто жил так. При всей широте и разнообразии связей все-таки и тогда люди расходились, замыкались и обособлялись», а Пушкин «был со всеми».

Молодость его сопровождалась переходом к романтическим увлечениям. Но «романтизм здесь выражал естественную и вечную романтику молодости, а потому он ушел вместе с молодостью столь же нормально, как и возник». «Романтизм молодого Пушкина — не романтизм молодого Шиллера, не романтизм зрелого Байрона, не романтизм старого Гюго. Он никогда не составлял его сути».

Зрелость Пушкина была ознаменована открытием глубин народной, национальной жизни. «Взрослый Пушкин впервые оказался один на один и так надолго с русским сельским людом, и впервые жил русской деревенской жизнью так оседло». Через нее — вместе с «Историей» Карамзина — Пушкин впервые открывает Шекспира как народного драматурга и сам смотрит на народ его взглядом. С драмой «Борис Годунов» Пушкин «вступает в пору высшей объективности», расцвета, зрелости. Завершает ее «Евгений Онегин», являющий собой «идеальную формулу русской жизни».

Мудрый Пушкин — это человек и поэт, переживший драму и вступивший в стадию эпоса. Он и житейски начинает свои тридцатые годы с первоэлемента «эпической жизни» — с семьи, а в творчестве продолжает их созданием «Медного всадника», «Капитанской дочки», «Истории Пугачева». Так Пушкин совершает в своей жизни и творчестве «весь мыслимый человеческий цикл, и заканчивая, сам увенчивает его „Памятником”».

Книга Н. Н. Скатова открывает новые грани в пушкинском творчестве — «зерне», из которого прорастает вся новая русская литература. Такой взгляд на Пушкина ложится у исследователя на прочный фундамент исторической эпохи становления и торжества русской нации в Отечественной войне 1812 года. В Пушкине исследователь видит исток новой русской литературы: все последующее ее развитие превращается в развертывание тех возможностей, которые в нем заключены в виде емких эстетических формул. Как откровение и раскрытие художественных потенций, изначально намеченных в универсальном гении Пушкина, весь последующий литературный процесс, по Скатову, соразмерен Пушкину, с ним соотнесен.

В зерне русской классической литературы содержится идеал всеобщей человеческой солидарности, наиболее полно и всесторонне реализованный Пушкиным с его уникальным «протеизмом» и всемирной отзывчивостью, чуждой национальному самоограничению. Этот предельно высокий идеал осеняет и пронизывает своим духовным светом все послепушкинские художественные индивидуальности, раскрывающие пушкинские идеальные формулы, специализируясь и разветвляясь. Пушкинский универсум теперь

уже воссоздается усилиями многих русских литераторов, качественно обогащаясь в утонченном и разностороннем анализе.

Качество мощного художественного синтеза открывает Н. Н. Скатов в «русской песне» Кольцова. «Кольцов наблюдает и анализирует „внутреннюю сторону народной жизни“. Его „эпический“ „добрый молодец“, его „эпическая“ „красна девица“, оставаясь эпическими, чувствуют индивидуально. Кольцов установил связь отдаленных веков и отделенных состояний. И та же „Песня пахаря“ не столько даже песня, сколько песнь: эпос, не потерявший эпического содержания, но ставший лирикой. Недаром именно в русском эпосе располагается предтеча кольцовского пахаря.

А орет в поле ратай, понукивает,
А у ратая-то сошка поскрипывает,
Да по камешкам омешики прочеркивают...

Это ратай, Микула Селянинович, у Кольцова заговоривший:

Ну, тащися, сивка,
Пашней, десятиной!
Выбелим железо
О сырую землю.

Без Микулы Селяниновича не было бы никакого кольцовского пахаря. Без кольцовского пахаря мы никогда бы не ощутили Микулу Селяниновича, да и всего нашего народного эпоса, столь кровно, задушевно и лично: рушится связь времен. И здесь, в самой обращенности в прошлое, Кольцов не закладывает ли основы и искусства будущего?»

Внимание Н. Н. Скатова к социально-исторической проблематике, исследование жизни и литературы в их взаимосвязи и развитии проявляется и в определении существа русского реализма XIX века. Исследователь убедительно показывает ограниченность «расхожего представления о литературе прошлого как о чем-то таком, что прежде всего — и даже только — критикует». В нашем сознании термин «критический» с некоторых пор стал означать «критикующий» — и критикующий прежде всего среду, социальные отношения. Русское художественное сознание, по Н. Н. Скатову, преодолело такой упрощенный подход к человеку. В классической литературе человеческая личность превращалась в «совокупность общественных отношений» не только настоящего момента, но и всей национальной истории. Этот широкий взгляд на соотношение характера и среды, когда характер и определяется средой, и выступает по отношению к ней как нечто самостоятельное, дает возможность Н. Н. Скатову увидеть в «Мертвых душах» Гоголя, например, не обычный социальный роман, а поэму, в которой характеры помещиков получают общенациональный масштаб. Исследователь обращает внимание не только на критикующие, но и на жизнеутверждающие начала русского реализма, справедливо полагая, что «сама сила отрицания» в нем была возможна лишь «при соответствующей силе утверждения», и русская классика близка нам этой «безмерностью, бесконечностью идеалов»: «предельная требовательность к человеку» тут вытекала «из беспредельной веры в него».

Для Н. Н. Скатова мало знать, что написали декабристы в своих политических трактатах и художественном творчестве. Не менее важно выяснить, что они пережили и как они жили — и не для полноты их биографий только, но для истинного понимания существа их идей. Это относится и к духовным биографиям А. В. Кольцова и Н. А. Некрасова, включенным в Со-

брание сочинений Н. Н. Скатова. Важно знать не только то, что воплотилось в слове, но и что за ним стояло; нужно удержать в поле зрения весь состав личности писателя, захватив и ту подпочву, которая питала его художественную мысль. Пушкин у Н. Н. Скатова ведь тоже берется весь — и с творчеством, и с жизнью, в неразрывности того и другого: первый русский поэт-художник и «первочеловек установившейся нации», «совершающий весь цикл развития в его идеальном качестве». Не столько эпоха владела Пушкиным, сколько он как поэт-художник эстетически овладевал ею, «забрасывая сети в будущее»: оставаясь в границах своего времени, он творчески над ним торжествовал.

О декабризме речь идет опять-таки как о целостном культурном явлении со своим неповторимым лицом, со своей индивидуальностью. Как Пушкин «универсально представил» в своем творчестве «мировой художественный опыт», так декабризм — «мировой, от античности идущий, опыт гражданской жизни и политической борьбы». «Декабризм теоретически продемонстрировал необычайное разнообразие революционных принципов, программ, путей, содержа их все, так сказать, в зерне». Многие будущие ситуации и сюжеты нравственно-эстетического и революционного опыта «были здесь предварительно намечены и проиграны».

Пушкин и декабристы — два этих социальных и культурных пласта национальной жизни начала XIX века — рассматриваются Н. Н. Скатовым соответственно в эстетическом ключе эпоса и трагедии. Трагичность политического опыта декабристов прямо связана с трагичностью их поэтического опыта. С этой стороны их деятельности в работы Н. Н. Скатова входит другой устойчивый сюжет — литература и жизнь в сложном взаимодействии друг с другом. Декабристы в своей жизни и художественном творчестве предприняли дерзкую и обреченную попытку снять вековую коллизию между жизнью и искусством, гражданственностью и поэзией, человеком и художником, делом и словом. Искусство и жизнь они хотели подчинить единому принципу: «живи, как пищешь, пиши, как живешь».

Русская и особенно советская наука предприняла огромные усилия для изучения декабристского движения. Отыскан и опубликован обильный источниковедческий материал, изучены классовые истоки декабризма, обследованы экономические концепции, правовые взгляды, теории государственного устройства. Издан обобщающий труд М. В. Нечкиной «Движение декабристов» (М., 1955). И однако современной науке, как убедительно показывает Н. Н. Скатов, явно не хватает целостного взгляда на декабризм как на уникальное в своем роде общественное движение начала XIX века.

Утверждаемое нашей литературой, начиная с Пушкина и декабристов, понимание личности, как показывает Н. Н. Скатов, снимает типичное для Западной Европы противопоставление индивида и общества. Личность является средоточием бесконечного множества отношений с другими, и вне этих отношений она лишается живого содержания. Но и общественное, коллективное начало рассматривается русским художественным сознанием не как предел и ограничение личного начала, а как его внутреннее восполнение. Проблема духовного становления человека в русской литературе не ограничивается индивидуальным самоусовершенствованием: она с необходимостью предполагает участие в совместной жизни со всеми, она неотделима от процесса одухотворения «мира», от совершенствования самих форм общения между людьми.

Именно потому А. Н. Островский, например, «не идеализирует патриархальности как таковой, а лишь в той мере, в какой он видит в ней и провидит за ней начала человеческой общности и принципов, ее обеспечивающих,

уходящих корнями глубоко в толщу народной, в частности русской крестьянской жизни, начала жизни „миром”».

«Если Твардовский — поэт коллективизации, то ведь и Некрасов — поэт коллектива... принцип коллектива, жизнь „миром” для него — главное. В этом-то и близок к нему „поэт коллективизации” Твардовский». Как планеты вокруг солнца, все значительные писательские индивидуальности России вращаются в поле притяжения вековой народной мечты, дорогого народу идеала. «Некрасов когда-то писал Л. Толстому о том, как важна „посылка к другим”, человеческая „круговая порука”. Поиском такой „круговой поруки” и близок к Некрасову Исаковский».

Очевидно, что разные явления русской классики рассматриваются у Н. Н. Скатова не обособленно. Во взаимодействии и взаимопроникновении они формируют индивидуальный облик национальной литературы. Творчество одного писателя открывается навстречу другому: внутри самой литературы действует тот же закон «общественной солидарности», упраздняющий непроницаемость отдельных художественных течений, направлений и школ. Особенно убедительно это показано на примере столкновения в русской литературе второй половины XIX века некрасовского и фетовского поэтических начал.

Мысль Н. Н. Скатова не отвлекается от предмета исследования, отдается разным его сторонам, погружаясь в него и достигая такого проникновения, когда в индивидуальном явлении открывается общий закон — по известному толстовскому утверждению: «Чем глубже зачерпнуть, тем общее всем, знакомее и роднее». В таком глубинном рассмотрении фетовский поэтический анализ духовно-природных состояний вдруг обнаруживает внутреннее родство с толстовской диалектикой души и с поэзией Некрасова. А искусство интеграции отдельных состояний в характеры, недоступное Фету, оказывается доступным Толстому и Некрасову. Односторонность Фета восполняется другими, хотя и во многом противоположными явлениями литературы. Так Фет включается в движущийся литературный процесс, где каждому отводится свое место. Некрасов и Фет по-своему дополняют друг друга. Их вражда — относительна, их антагонизм может быть осмыслен как естественное противоречие художественного развития, удерживающее в себе возможности нового синтеза на более глубоких аналитических основах. Ценность поэтических открытий Фета возрастает, когда его творчество рассматривается не как «вещь в себе», а как органическая часть литературного процесса, во взаимодействии с другими, с целым.

Глубоко исследуется в работах Н. Н. Скатова и драматическая разорванность искусства и действительности, которую в русской литературе XIX века наиболее последовательно реализовал своей жизнью и творчеством Фет. «Психологическая загадка» Фета-поэта и Шеншина, помещика-практика, коренилась, по мнению Н. Н. Скатова, в идущем от Канта противопоставлении искусства как «бесполезной», подлинно свободной деятельности и жизненной практики как подчиненной законам железной необходимости. Искусство Фета противостоит практике Шеншина: Фет уходит в искусство от худших ее сторон. Но одновременно он уходит в искусстве от социальной жизни общества. Утверждаемая им гармония коренится на слишком узкой жизненной площадке. Осознание узости и кризисности своего «моцартианства», лишенного пушкинской цельности, непосредственности и широты, пришло к Фету в 1880-е годы. В поздних его стихах уже утверждается сектантский лозунг «чистого искусства», а красота превращается в культ, усугубляя угрожающий сути поэзии «эстетический сепаратизм».

Если в поэзии Фета драматически реализовались кризисные процессы русского художественного развития, то в творчестве А. Н. Островского завершилось становление нашего классического искусства XIX века: драма — продукт развившейся национальной жизни, национальный театр — признак совершеннолетия нации. Статьи Н. Н. Скатова об Островском принадлежат к числу лучших в отечественном литературоведении, открывающих новые перспективы в изучении творчества национального русского драматурга. Исследователь показывает, что устойчивое представление о жизни купечества, явившейся почвой для произведений национального драматурга, нуждается в коррективах весьма существенных. Занимая промежуточное положение между крестьянством и верхами русского общества, купечество и сохраняло народную традицию жизни «миром», и в то же время она подвергалась в нем наиболее острым драматическим превращениям. Самодурство с этой точки зрения было выражением кризиса старых патриархальных устоев, потери их. В купеческом мире Островский и пытался увидеть свои идеалы в той мере, в какой этот мир еще сохранял связь с общенародной культурой (крестьянской, в первую очередь), и, опираясь на жизнеспособные начала в нем, с огромной силой обличал тот процесс эгоистического обособления, распада национального и общечеловеческого единства, который в купечестве стремительно прогрессировал. Подтверждением этого нового взгляда на жизненные истоки творчества Островского является у Н. Н. Скатова анализ основного конфликта в драме «Гроза», — конфликта, внутри которого исследователь обнаруживает ростки самобытной «русской трагедии». Ученый рассматривает драматургию Островского на широком фоне национальной жизни и литературы, отмечая устаревшее представление об Островском как драматурге-бытовике.

В статье «„Некрасовская” книга Андрея Белого» речь идет уже о том, какой «непростой и противоречивой жизнью жила некрасовская традиция в творчестве одного из самых сложных художников начала века». Исследователь пытается выяснить, какие «реальные процессы русской жизни на важнейшем этапе ее истории» отражала поэтическая книга стихов Белого «Пепел». Если приобщение Некрасова к народной жизни было плодотворным и живительным, то у Белого оно «превращало жар души в пепел». «Слияние двух или многих поэтических миров» не рождало в лирике Белого нового качества, новой человеческой и поэтической общности: распад крестьянской общины, народных принципов жизни «миром» отозвался в его стихах духовной нивеляцией («один как все», «одинаковость, но не общность»), человечность не обреталась «в миру», а сохранялась в поэтическом обособлении и одиночестве. «Поэт, хотевший наследовать Некрасову, в сущности вступал в противоречие с ним. От этой России Белый уходил, другой не видел, начинал искать выхода помимо жизни, помимо искусства».

Новую ситуацию общественного подъема народной жизни выразила, по Н. Н. Скатову, поэзия Исаковского и Твардовского. В их творчестве нашла отражение «тяга к жизни коллективом. Это тоже было то новое, что носилось в воздухе, чем жила пробудившаяся деревня, но такое новое, которое опиралось на вековую национальную традицию жизни „миром” — крестьянской общиной». На этой исторической почве и произошло возрождение некрасовской традиции в творчестве Твардовского и Исаковского. Если Исаковский наиболее полно развил песенное начало некрасовской поэзии, то Твардовский унаследовал традиции Некрасова-эпика. Всем содержанием своих трудов исследователь утверждает правоту основной своей теоретической посылки: «только соотнесение художественных систем в их

целом и в их исторической обусловленности позволяет нам избежать эмпиризма и дает возможность определить границы влияний, приобретений и потерь».

Четыре тома Собрания сочинений Н. Н. Скатова буквально просятся на рабочий стол преподавателя вуза и учителя литературы средней школы. Есть надежда на повторное их издание: общественная значимость трудов Н. Н. Скатова с годами будет только возрастать.